

ПОКА ТЫ СМОТРИШЬ

ТОМ 1

18+

HIMERSNOX STUDIO

Andrew Nox

Пока ты смотришь Том 1

«Автор»

2026

Nox A.

Пока ты смотришь Том 1 / А. Nox — «Автор», 2026

После смерти матери восемнадцатилетний Рэй Фудзисава почти два года избегал людей, улиц и собственного будущего. Теперь ему приходится начать всё заново в колледже японского города, где он когда-то жил вместе с матерью. Единственным знакомым человеком оказывается Рэйна — его подруга детства, которую он не видел много лет. Их встреча возвращает Рэю воспоминания, от которых он давно пытался спрятаться. Но вместе с ними в его жизни появляются новые угрозы: чужие манипуляции, травля, преследование и ощущение, что кто-то наблюдает за каждым его шагом. После одного происшествия Рэй начинает сомневаться в собственном теле и памяти. Он не всегда помнит, что делал, а в отражении собственного глаза иногда видит нечто, чего не должно существовать. Старые записи, храмовые чётки и фамилия, появившаяся в документах задолго до его рождения, постепенно связывают настоящее с тайной, которую пытались скрыть много лет. Иногда самый страшный наблюдатель находится не за окном. Иногда он смотрит изнутри.

Содержание

Пока ты смотришь	5
Содержание	6
Глава 1. На восьмой день	7
Г	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пока ты смотришь Том 1

Пока ты смотришь

ТОМ 1

HIMERSNOX STUDIO

психологический мистический триллер

Содержание

- Глава 1. На восьмой день
- Глава 2. Пять тысяч к пятнице
- Глава 3. Избыток внимания
- Глава 4. Закипающий чайник
- Глава 5. Пятница. Развязка у оранжереи
- Глава 6. Послевкусие субботы
- Глава 7. Горячий водяной заслон
- Глава 8. Осколки понедельника
- Глава 9. Формулы и сигаретный дым
- Глава 10. Мелочи, из которых складывается шторм
- Глава 11. Запах лекарств и старый свитер
- Глава 12. Неожиданный визит
- Глава 13. Ошибка вне программы
- Глава 14. Нити за спиной
- Глава 15. Пока он не закончит
- Глава 16. Шаг в темноту
- Глава 17. Белые стены
- Глава 18. Показания
- Глава 19. После облавы
- Глава 20. Трещина
- Глава 21. Проверка
- Глава 22. Чётки
- Глава 23. Ответный удар
- Глава 24. Последствия и доверие
- Глава 25. Имя

Пока ты смотришь
Andrew Nox

Глава 1. На восьмой день

Костюм стал мне мал.

Понял я это, только когда попытался застегнуть верхнюю пуговицу рубашки. Жесткая ткань сразу вцепилась в горло, а рукава пиджака предательски поднялись, выставив тонкие, бледные запястья. Два года назад мать обязательно сказала бы, что я опять вытянулся и надо покупать новый. Сейчас некому было это сказать. Я просто расстегнул пуговицу, ослабил галстук и попытался выдохнуть.

На плечах успела осесть серая, сухая пыль. Я провёл по ткани влажной от пота ладонью, только размазал её ещё сильнее и плюнул: в темноте всё равно никто не заметит.

Телефон завибрировал прямо на стиральной машине, заставив меня вздрогнуть.

Тётя написала, что убрала цветы после службы и оставила в холодильнике еду. Следом, буквально через минуту, пришло второе сообщение:

«Ты точно пойдёшь?»

Я с трудом набрал: «да».

Постоял перед зеркалом, разглядывая собственное отражение.

Отправил.

В ванной привычно пахло сыростью, застоявшейся водой и старым, неперестиранным полотенцем. Над раковиной уже несколько месяцев висела перегоревшая лампочка, поэтому смотреть на себя приходилось при мутном свете, падавшем из коридора. Отросшие волосы лезли на брови, цеплялись за ресницы. Я попытался пригладить их мокрыми пальцами, но только разделил на несколько унылых, слипшихся прядей.

Брить на подбородке было почти нечего. Впрочем, всё остальное тоже выглядело так, будто над этим человеком долго и мучительно работали, а потом внезапно бросили на полпути, забыв доделать.

Возле входной двери, прямо на коврик, лежал плотный белый конверт из колледжа. Я переступил через него, сделал два автопилотных шага к выходу, но всё-таки вернулся и поднял.

Внутри обнаружилось расписание вводной недели, бледно пропечатанная схема корпуса и несколько листов, которые требовалось заполнить синей ручкой до первого занятия.

На верхнем бланке чётко значилось:

«Фудзисава Рэй».

Восемнадцать лет. Зачислен.

За окном заканчивался март. Через двенадцать дней мне предстояло впервые сесть за парту в колледже «Аоба».

После развода родителей я взял фамилию матери. Какая-то официальная бумага ничего не знала о человеке, которому её прислали, — для неё это были просто иероглифы.

Я положил конверт на пыльную тумбу и вышел наружу.

После недавнего дождя город оглушительно пах мокрым бетоном, ржавым железом и подгоревшим луком из маленькой закусочной возле самой станции. На перекрёстке кто-то смеялся — так громко и фальшиво, будто ему за этот смех отдельно платили. Двое парней шумно спорили у автомата с напитками, а девушка между ними бессмысленно пыталась открыть сломанный зонтик, хотя капать перестало ещё час назад.

Я перешёл на другую сторону улицы гораздо раньше, чем требовалось, просто чтобы обогнуть эту компанию.

В кармане оттягивала ткань дешёвая зажигалка, купленная по дороге вместе с пачкой благовоний. Продавщица тогда спросила, нужен ли мне пакет, и мне пришлось попросить её повторить.

Я ведь понял вопрос с первого раза. Просто не успел вытолкнуть из горла ответ, пока она ещё смотрела на меня.

Со мной в последнее время это происходило постоянно.

Дома, в пустых комнатах, любая фраза звучала в голове нормально. Но стоило произнести её при живом человеке — и между словами мгновенно возникала липкая, душная пауза, в которой собеседник успевал передумать со мной разговаривать.

У подножия холма я остановился, чтобы хоть немного перевести дыхание. Сердце кололось в самые рёбра.

К храму вела старая, подёрнутая мхом каменная лестница. В детстве она казалась мне значительно короче. Справа успели заменить перила на новые, а слева всё так же росла кривая, изогнутая сосна, которую мать всегда называла пьяной. Наверху горел одинокий свет в боковом окне жилого здания. Главные ворота закрыли на ночь, но узкий проход к кладбищу оставался свободным.

Я не заходил сюда с прошлой годовщины.

Тогда тётя лично привезла меня на машине, буквально доставила до могилы и всё время молча стояла за спиной. Я ненавидел её за эту опеку. А потом ненавидел себя — потому что именно она заплатила за проклятые цветы, разобралась с кучей документов и вымыла на моей кухне гору грязной посуды, к которой я не прикасался несколько недель.

Сегодня я попросил её уйти заранее. Жестко попросил.

У водоразборной колонки висели оцинкованные ковши. Один тихо и ритмично постукивал о соседний, когда сырой ветер пробегал между деревянными стойками. Я набрал ледяной воды, пошёл вдоль тёмных каменных рядов и дважды свернул не туда.

Мать лежала здесь второй год, а я всё ещё не мог сразу найти дорогу.

У нашего камня уже стояли свежие цветы от тёти. На мокрой черной поверхности дрожал изломанный отблеск одинокого фонаря. Я опустил ведёрко на землю, достал из кармана упаковку благовоний и долго, до боли, ковырял прочный целлофан ногтем.

Зажигалка сработала только с третьего раза, чиркнув желтым огоньком.

— Привет, мам.

Я сказал это по-русски.

Она всегда любила отвечать мне на японском, когда мы ещё жили в России, и переходила на русский — когда мы переехали сюда. Будто всё время пыталась оставить хотя бы щель в ту дверь, из которой мы когда-то уехали.

Я поставил тонкие палочки благовоний в песок, присел на корточки и тут же почувствовал, как плотные брюки больно натянулись на коленях.

— Костюм дурацкий стал, наверное, надо было другой надеть, ха-ха...

Больше ничего путного в голову не приходило.

Я ведь готовился к этому разговору всю дорогу: в ванной перед перегоревшей лампочкой, на лестничной площадке, возле магазина. Там получалось произнести много правильных, сложных слов. А здесь я просто заворожённо смотрел на крупную каплю воды, медленно ползущую по холодному камню, и думал только о том, что сейчас она упадёт на лепестки.

Она упала.

— Мне уже восемнадцать.

Я нервно потёр пальцем грубый шов на колене.

— Тётя купила торт. Маленький. Я половину съел, остальное...

Остальное пролежало в холодильнике, пока жирный крем не пожелтел и не засох. Я выбросил его глубокой ночью, отдельно от другого мусора, чтобы тётя случайно не увидела это в баке.

— В общем, нормальный был торт, думаю, тебе бы он понравился.

Внизу, за оградой, протарахтел одинокий мотоцикл. Здесь, в тишине между могильными камнями, его двигатель звучал так, будто кто-то с треском рвал плотную сухую ткань и никак не мог разорвать до конца.

— Меня приняли... в колледж. Там прикладные информационные системы, математика, ещё что-то. Я бы тебе рассказывал, если бы сам понял расписание.

Я попытался улыбнуться и почувствовал, как неприятно, судорожно напряглись щёки. Уж слишком непривычно изображать какую-либо улыбку, сдерживая всю ту тяжелую печаль, которую я постоянно прокручиваю у себя в голове.

— Школу всё-таки закончил. Не ту, конечно. Помнишь, ты говорила, что мне нужно меньше умничать и больше сдавать вовремя? Оказалось, это две абсолютно разные способности.

Мать умерла в конце моего первого года старшей школы. Мне только исполнилось шестнадцать. После похорон я ещё пытался ходить на занятия — то появлялся на полдня, то пропал на неделю. К началу летних каникул перестал появляться совсем.

Потом почти полтора года квартира была единственным местом, где я мог нормально дышать. Тётя уговорила перевестись на заочное, привозила задания, забирала готовое. Иногда готового не было месяцами.

Только прошлой осенью я начал понемногу вылезать из этой ямы. До нормального человека было ещё далеко, но хотя бы обязательные работы перестали лежать пустыми.

Последний школьный год я числился на заочном, учился по переписке и ближе к выпуску приезжал на самые обязательные занятия. Тётя возила меня на некоторые. На остальные я пытался заставить себя добраться сам, иногда с третьей попытки. Бывало, доезжал в душном вагоне до нужной станции и возвращался домой, так и не решившись выйти на платформу.

Но аттестат всё-таки лежал дома... настоящий... с печатью.

Я хотел рассказать об этом так, чтобы она обрадовалась за меня.

Вместо этого тихим голосом произнёс:

— Я не знаю, как туда ходить.

Свежий порыв ветра прижал сизый дым к камню.

— Там люди. Все уже... нормальные. Они разговаривают, легко знакомятся. Знают, куда деть руки, когда стоят. А я сегодня минуту не мог купить палочки.

Я посмотрел на дымящиеся благовония.

— Эти, в смысле.

Зачем я уточнил? Перед кем?

Горло спазмом стянуло. Я тяжело сглотнул и снова ощутил жесткий воротник, хотя верхняя пуговица давно была расстёгнута.

— Я здесь десять лет живу. Десять. И если сейчас куда-нибудь исчезну, тётя заметит. Хозяин квартиры заметит, когда платёж не придёт. Больше...

Я не договорил.

Это было чертовски несправедливо по отношению к нескольким людям, которые искренне пытались со мной связаться. Я ведь помнил их сообщения. Иногда даже открывал старые переписки, чтобы тупо проверить: мне действительно писали или я придумал всё это задним числом.

— Папа деньги присылает.

На этой фразе неожиданно стало чуть легче. Про деньги можно было говорить сухо, не думая.

— По пятницам. Почти всегда утром. Теперь больше, из-за учёбы. Он написал, что главное — не бросить. Представляешь?

Я тяжело выдохнул носом.

— Л-ладно. Не буду об этом...

Несколько минут я сидел совершенно молча. Ноги окончательно затекли, и пришлось бессильно опуститься на край низкого бордюра. Камень был мокрым и ледяным. Я это заметил, но всё равно не встал.

— У меня на телефоне осталось твоё голосовое сообщение, — сказал я наконец в темноту. — Про молоко. Ты попросила купить молоко, когда буду возвращаться.

Я знал его длительность наизусть. Семнадцать секунд.

Сначала там шуршал целлофановый пакет, потом мать произносила моё имя, а в самом конце кашляла и добавляла, чтобы я взял себе что-нибудь поесть.

— Иногда включаю и не дослушиваю. Только начало.

Руки стало совершенно некуда девать. Я сцепил их в замок, разжал, сунул под мышки.

— Я очень устал, мам...

Слова вышли совсем тихо, практически без звука.

— Ты бы тогда сказала, что мне теперь делать.

Сверху, со стороны жилого корпуса храма, громко хлопнула дверь. Я сразу выпрямился и рефлекторно вытер лицо рукавом, хотя до этого даже не заметил, что оно мокрое.

Никто не пришёл.

Я дождался, пока благовония полностью прогорят, убрал пустую упаковку и поднялся. В затекших коленях больно закололо иглами.

— Я попробую, — сказал я камню. — Только не обещаю, что сразу получится.

На обратном пути я еще раз обернулся и посмотрел на камень.

Мне показалось невероятно важным запомнить, как именно сейчас стоят цветы.

У самого поворота между кладбищем и храмовым садом узкая дорожка сужалась. Я смотрел исключительно под ноги, чтобы не вступить в грязную лужу, и заметил чужие ботинки слишком поздно.

Мы больно столкнулись плечами.

Кто-то коротко ахнул. Бумажный пакет зашуршал, выскользнул, ударился о мою руку, и я машинально подхватил его снизу.

— Простите. Я не... Простите.

— Ничего.

Голос был женский, тихий и очень знакомый.

Я судорожно вернул пакет и отступил назад так поспешно, что каблук соскользнул с мокрого края дорожки.

Передо мной стояла девушка в светлом пальто. Невысокая, с тёмными волосами до плеч. Под одиноким фонарём в них проступал холодный, глубокий фиолетовый оттенок. Несколько влажных прядей прилипли к щеке, и она привычным движением убрала их за ухо, продолжая пристально смотреть на меня.

Я испугался, что испачкал ей пальто.

— Ещё раз извините.

И попытался боком пройти мимо.

Но её пальцы неожиданно сомкнулись на моём запястье.

Я остановился раньше, чем успел подумать почему.

— Ты же... Рэй, верно?..

Она тоже будто испугалась собственного резкого движения и сразу ослабила хватку.

— Прости. Просто... Рэй, это ведь ты?..

Я тупо смотрел на неё.

В голове панически перебирались бессмысленные варианты: сотрудница колледжа, новая знакомая тёти, чья-то младшая сестра. Ни один вариант не объяснял, почему она произнесла моё имя так, словно уже звала меня несколько раз и наконец дождалась ответа.

— Д-да...

Девушка с облегчением выдохнула.

— Хах, а я думала, ошиблась.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла неуверенной, ломкой.

— Ты меня совсем не помнишь?

Ужасный вопрос. На него нельзя было ответить честно и никого при этом не обидеть.

Я снова посмотрел на её фиолетовые волосы, на маленькую родинку возле левой брови, на изящные пальцы, всё ещё чуть касавшиеся моего рукава.

Когда-то в далеком детстве эти пальцы были напроочь перепачканы липким соком незрелой хурмы.

— Р-рэйна?

— Ну наконец-то.

Она убрала руку.

И на мгновение мне до судороги захотелось попросить её поддержать меня ещё немного.

Я спрятал сжатые ладони глубоко в карманы.

— У тебя ведь были длинные волосы...

— У тебя тоже кое-что изменилось, знаешь ли.

Её взгляд скользнул по моему лицу и опустился к слишком коротким рукавам пиджака. Она больше ничего не сказала.

Но от этого молчания я почему-то почувствовал себя ещё хуже.

— Ты здесь живёшь? — спросил я, чтобы сбить паузу.

— Сейчас нет. Помогаю иногда. Мама попросила занести вещи тёте. — Она слегка приподняла пакет. — А ты...

Она коротко посмотрела в сторону кладбища.

Я кивнул, хотя вопроса ещё даже не прозвучало.

— Мама...

Рэйна перестала двигать пакетом.

— Когда?

— Два года назад. Сегодня.

— Я не знала, извини.

— Откуда бы...

Получилось намного резче, чем я рассчитывал.

— Извини. Я не в смысле...

— Я поняла.

Она произнесла это быстро, забирая у меня необходимость заканчивать нелепое оправдание.

Мы стояли под фонарём. Где-то совсем рядом, за деревянной оградой, капала вода. На рукаве её пальто темнело мокрое пятно — видимо, я всё-таки задел её своей ладонью.

— Ты торопишься? — тихо спросила она.

Я мог соврать и сказать «да». Это был бы привычный, спасительный выход: скорее вернуться домой, закрыть дверь на все замки и потом несколько дней гонять в голове мысли о том, что следовало ответить иначе.

— Нет.

— Тогда подожди меня. Я только пакет отнесу.

Она сделала шаг к дверям здания и обернулась.

— Жди здесь, хорошо?

— Хорошо.

Рэйна пошла по дорожке. Перед самой дверью она ещё раз повернулась ко мне, будто на всякий случай проверяла, на месте ли я.

Я решил остаться.

Когда мне было восемь, за храмом стояла старая, сломанная деревянная скамейка. Одна доска там треснула, и садиться приходилось строго ближе к краю. Зато с неё открывался вид на крыши частных домов, железнодорожный переезд и серебристый кусочек реки между огромными складскими зданиями.

Рэйна тогда настойчиво называла это место своим. Ну знаете, такое секретное место в детстве, которое было почти у каждого ребенка.

Я в том возрасте плохо понимал длинные японские фразы и всегда делал вид, что просто не слышу, когда ко мне обращались взрослые. С короткими было хуже: притворяться глухим не получалось.

В тот самый день она нашла меня у лестницы. Я увлечённо пытался загнать мокрую палку в глубокую щель между камнями.

— Ты что делаешь?

— Аэ, н-ничего...

— Тогда пойдём.

Я не пошёл.

Она долго стояла рядом, молча смотрела на мою палку и в конце концов сказала, что за храмом есть место, откуда отлично видно поезда. Это оказалось в разы убедительнее любого предложения дружить.

Первую неделю мы в основном молчали. Рэйна регулярно приносила два порционных фруктовых желе и всегда выбирала себе персиковое, хотя божилась, что ей абсолютно всё равно. Я пытался на ломаном языке объяснить, какой суровой зимой бывает снег у нас в России, а она решила, что я всё преувеличиваю.

Потом мы стали встречаться на этой скамейке практически каждый день.

Она знала, какие ступеньки на лестнице шатаются, где дедушка хранит длинный садовый шланг и с какой стороны можно легко забраться на стену, не порвав при этом одежду. Я знал, как из тонкой рогатой ветки сделать рогатку, но совершенно не умел объяснить, зачем она нужна, если ни в кого нельзя стрелять.

В последний раз мы виделись в самом конце августа.

Рэйна воодушевлённо сказала, что завтра обязательно принесёт настоящую карту города и мы отметим на ней красным все места, куда уже ходили вместе.

Но дома меня ждало страшное...

Утром мать просто не смогла встать с кровати.

Тётя приехала только к обеду, привезла кучу лекарств и каких-то продуктов. Врач долго что-то тревожно объяснял по телефону. Я запомнил только одно: матери нужен абсолютный покой, и я решил, что обязан обеспечить его лично.

Я сутками сидел возле спальни. Разогревал рис. Гремел и ронял ложки. Подносил тяжёлую чашку, даже если она ещё не успела попросить воды.

Мать слабо говорила, что я могу выйти погулять, но всякий раз, когда я доходил до прихожей, она начинала тяжело, мучительно кашлять.

Только на восьмой день ей стало лучше.

Она сама медленно пришла на кухню и спросила, почему я больше не бегаю к своей подруге.

Я буркнул, что она не моя подруга...

Мать едва заметно улыбнулась и велела хотя бы умыться перед тем, как я пойду к этой совершенно посторонней девочке.

Я бежал до храма во весь дух, сжимая в мокром кармане две мятные конфеты.

Скамейка была пустой.

Я прождал там до самого вечера, а потом всё-таки решился и постучал в массивную дверь жилой части. Дедушка Рэйны вышел далеко не сразу. Я запомнил его огромные, сухие ладони и то, как он строго придерживал дверь локтем.

— Сегодня она не выйдет, — сказал он.

Я тихо спросил почему.

Он посмотрел куда-то в тёмную глубину дома.

— Приходи в другой раз.

Я пришёл на следующий день. Потом ещё раз. А потом от соседских детей узнал, что Рэйна срочно уехала с родителями.

Какое-то время я по инерции продолжал подниматься к сломанной скамейке. Конфеты вконец расплавились в кармане, и мать потом долго оттирала липкое пятно с подкладки моего пиджака.

Потом начались занятия в школе.

И я перестал туда ходить.

— Ты всё-таки подождал. Маленькая победа в твою копилку, уж думала, уйдёшь.

Я поднял голову от земли.

Рэйна стояла возле фонаря уже без бумажного пакета. В руках она держала две металлические банки из автомата. Одну она сразу протянула мне.

— Осторожно, горячая.

Какао. Я обхватил банку обеими ладонями, впитывая тепло.

— Спасибо...

Мы медленно пошли вниз. Рэйна выбрала длинную, пологую дорогу в обход высокой лестницы, и я был искренне благодарен ей за это: после подъёма и долгого сидения на корточках у могилы ноги всё ещё неприятно подрагивали.

Она не спрашивала, от чего именно умерла мать. Не говорила дежурных фраз о том, что всё обязательно наладится. Несколько минут она споро рассказывала о том, что за храмом недавно спилили то самое старое дерево, но скамейку оставили и даже полностью заменили на ней доски.

— Значит, это уже другая скамейка, — заметил я.

— Место то же.

— Хах, убедительный аргумент.

Она посмотрела на меня с каким-то неожиданным, глубоким облегчением.

— Ты раньше тоже так говорил.

— Как?

— Будто я на экзамене и ответила неправильно.

Я хотел было возразить, но мгновенно вспомнил наш детский спор о том, что река не может течь туда, куда ей просто хочется.

— Возможно, ты отвечала неправильно.

Рэйна тихо, бархатно рассмеялась.

От этого естественного звука что-то внутри меня судорожно, неприятно сжалось. Я совершенно не помнил её взрослого смеха и при этом почему-то мгновенно узнал его.

На повороте мы остановились, чтобы пропустить урчащий маленький грузовичок. Она встала совсем рядом, практически касаясь тканевого рукава моего локтя.

— Ты потом приходил? — тихо спросила она.

Мне даже не понадобилось уточнять куда.

— Да.

Она повернулась ко мне всем корпусом.

— Когда?

— Через неделю. Мама болела. Потом ещё несколько раз. Твой дедушка сказал, что ты не выйдешь.

Грузовик давно уехал вниз, затих, но Рэйна всё так же не двигалась.

— О-он так сказал?..

— Наверное, ты была слишком занята...

— Нет.

Она растерянно посмотрела на горячую банку у себя в руках.

— Я не была занята...

Я молча подождал.

— Я каждый день туда приходила, — выдохнула она. — С той самой картой. Думала, ты просто попозже будешь. Потом решила...

Она замолчала, подбирая слова.

— Неважно. Я была совсем маленькая.

— Я тоже.

— Знаю...

Теперь мне до боли хотелось спросить, почему же дедушка не выпустил её тогда. Но ответ уже смутно угадывался, и выпытывать его казалось почти жестоким.

— Надо было телефонами обменяться, — сказал я.

— У меня тогда не было телефона.

— У меня тоже.

Она посмотрела на меня, и на этот раз мы коротко улыбнулись абсолютно одновременно.

Потом улыбка медленно исчезла.

— Дедушка умер, — тихо сказала Рэйна. — Четыре года назад.

— Прости.

— Ты откуда мог знать.

Она вернула мне мои же недавние слова — абсолютно без раздражения, с печальной теплотой.

Я посмотрел вверх, где сквозь ветви деревьев всё ещё виднелся тусклый свет храмового корпуса.

— А храм?

— Теперь там другой настоятель. Родственники помогают. Я иногда тоже.

Рэйна крепче обхватила банку пальцами.

— Я нашла его утром. Думала, он просто медитирует... Даже рассердилась про себя, что он ничего не отвечает.

Она произнесла это очень ровно, но ноготь на её большом пальце нервно соскользнул с металлического ободка банки.

Я не стал судорожно искать «правильную» утешительную фразу.

Мы просто молча пошли дальше.

У самой станции оказалось непривычно шумно после кладбищенской тишины. Со звоном открылись автоматические двери круглосуточного магазина, заиграла короткая рекламная мелодия. Рэйна спросила, далеко ли мне идти до дома, и искренне удивилась, когда я назвал свою улицу.

— Ты всё это время там жил?

— Да.

— Я была уверена, что вы переехали.

— Нет.

Между нами снова зримо встали эти десять лет, только теперь их можно было измерить банальными четырьмя остановками на городском автобусе.

Я допил своё какао. Оно оказалось приторно-сладким, и меня слегка подташнивало, потому что за весь этот сумасшедший день я съел только сухой кусок хлеба.

Рэйна достала из кармана смартфон.

— Давай теперь обменяемся. Пока у нас опять что-нибудь не случилось.

Я быстро разблокировал экран. Пришлось сначала закрыть назойливое банковское уведомление, а потом долго выискивать нужный мессенджер.

Она терпеливо ждала, не заглядывая в мой дисплей.

В списке контактов появилось свежее имя:

Рэйна Минами.

Её аватарка была сделана со спины — где-то на фоне синего моря. Я зачем-то на секунду увеличил её, будто так можно было сходу понять, кем она стала за эти годы.

— Чем ты сейчас занимаешься? — спросила она.

Я убрал телефон обратно.

— С апреля учиться буду. Если дойду.

— Куда?

— В Аобу. В соседнем городе.

Она ответила далеко не сразу.

— Какое отделение?

Я назвал специальность.

Рэйна удивлённо посмотрела на меня, потом на свой телефон, словно могла наяву проверить услышанное.

— У меня то же самое.

Я ждал, что она сейчас засмеётся или скажет, что это шутка.

Она не засмеялась.

— Правда?

— Я тебе расписание сейчас пришлю.

Телефон мгновенно завибрировал у меня в ладони. В чате появилась точно та же таблица, что уже лежала дома в белом конверте. Даже скверно пропечатанная кривая линия между понедельником и вторником один в один совпадала.

— Мне ближе ехать отсюда, — пояснила Рэйна. — И сама программа понравилась. Можно не только код писать, там ещё проектирование...

— Я знаю...

— Да... Конечно...

Она убрала прядь волос за ухо.

Некоторое время мы молча стояли перед ярким магазином и смотрели в разные стороны.

— Если хочешь, можем вместе, — сказала она наконец. — В самый первый день.

Я мгновенно подумал о душном вагоне. О том, как несколько раз тупо не смог заставить себя выйти на нужной станции. О незнакомом многоэтажном здании, в котором придётся у кого-то спрашивать дорогу.

— Хочу.

Ответ выскочил раньше, чем я успел его по-настоящему испугаться.

Рэйна понимающе кивнула.

— Тогда я напишу.

У пешеходного перехода нам пришлось разойтись. Ей нужно было направо, мне — прямо.

Я уже успел сделать несколько шагов, когда она неожиданно позвала вслед:

— Рэй.

Я обернулся.

— Если не сможешь прийти, просто скажи. Хорошо?

Светофор на столбе начал торопливо отсчитывать последние секунды.

— Х-хорошо...

Она терпеливо подождала, пока я перейду дорогу.

Дома я поставил пустую банку из-под какао на стол и только тогда осознал, что пронёс её в руке всю дорогу, хотя прямо возле магазина стояла урна.

Выбрасывать её сразу почему-то категорически не хотелось.

За следующие двенадцать дней я ровно трижды собирался написать ей первым.

Один раз даже напечатал:

«Привет».

Посмотрел на это одинокое слово и тут же стёр. Мне казалось, что после такого приветствия обязательно должно идти что-то действительно стоящее внимания человека, у которого есть своя, полноценная жизнь.

Рэйна подобных сложностей явно не испытывала. Она обыденно прислала фотографию расписания утренних электричек, спросила, получил ли я свой студенческий номер, а однажды вечером просто отправила снимок той самой старой скамейки за храмом.

Доски там действительно полностью заменили.

Я ответил, что теперь сидеть стало слишком безопасно и вся детская привлекательность места окончательно утрачена.

Она прислала в ответ сердитую надутую мордочку.

Я смотрел на этот смайлик значительно дольше, чем следовало бы.

Тётя заметила, что я сам вынес мусор, но ничего не сказала. Потом заметила, что я самостоятельно записался в парикмахерскую, и тоже промолчала. За это молчание я был ей благодарен даже больше, чем за готовую еду.

В парикмахерской мастер спросил, как меня стричь.

Я коротко сказал:

— Чтобы не лезло в глаза.

Мастер почему-то тяжело вздохнул, но со своей работой справился.

На официальную церемонию открытия я пришёл отдельно, вместе с тётей, молча просидел на самом краю дальнего ряда и быстро ушёл сразу после общей части. Рэйне я написал об этом заранее. Она ответила, что увидимся уже на занятиях, — без единого вопросительного знака.

Вечером перед первым учебным днём я аккуратно положил на стол всё необходимое. Плотный блокнот. Две синие ручки. Документы. Новый галстук, купленный по настоянию тёти; я решил надеть его ещё раз, потому что понятия не имел, как обычно одеваются люди, когда искренне пытаются начать всё заново.

Будильник завел строго на шесть сорок.

Но в шесть десять я уже просто сидел на кровати в темноте.

А в семь двадцать меня впервые сильно начало тошнить от нервов.

Я стоял над раковиной в ванной, мертвой хваткой держась за её холодные фаянсовые края, и судорожно уговаривал себя дойти хотя бы до станции. Ничего сверхчеловеческого ведь не требовалось. Просто выйти из квартиры. Пройти какие-то семьсот метров. Сесть в поезд.

Телефон на тумбочке завибрировал.

«Я у входа со стороны пекарни».

И следом:

«Не беги, у нас есть время».

Я выпрямился, тщательно прополоскал рот ледяной водой и взял сумку.

Рэйна стояла прямо под яркой вывеской пекарни и тщетно пыталась запихнуть в сумку бумажный пакет, который туда явно не помещался.

Без пальто она выглядела совершенно иначе. Светлый мягкий кардиган, тёмная юбка, тонкий ремешок часов на запястье. Волосы красиво загибались у самых плеч. Я успел разглядеть всё это буквально за несколько шагов и тут же разозлился на себя за то, что вообще так тщательно её разглядываю.

— Доброе утро, — сказала она, подняв глаза.

— Доброе...

Её взгляд на секунду задержался на моей макушке.

— Подстригся.

— Пришлось. Иначе нужно было бы покупать расчёску.

Рэйна тепло улыбнулась.

— Тебе идёт.

Я отвёл глаза и посмотрел на автомат по продаже билетов.

— Спасибо.

Она достала из пакета румяную булочку в прозрачной упаковке.

— Будешь?

— Я уже поел дома...

— А я купила лишнюю.

Мы молча посмотрели друг на друга.

— Ты всегда носишь запасную булочку для случайного прохожего? — спросил я.

— Хм-м, только по понедельникам.

Я забрал у неё булочку.

В поезде мы сели вплотную рядом. Рэйна увлечённо рассказывала о вступительном собеседовании, на котором перепутала этаж и сначала по ошибке пришла к будущим дизайнерам. Я внимательно слушал, кивал и постепенно переставал болезненно ощущать каждое чужое движение в шумном вагоне.

На третьей остановке вошла женщина с маленьким ребёнком. Рэйна сразу встала уступить место, и мне пришлось подняться следом за ней, чтобы не остаться сидеть отдельно.

Когда поезд резко дёрнулся на стрелке, она случайно ухватила за высокий поручень прямо над моей рукой.

— Извини.

— За что?

— Наступила.

Я посмотрел вниз на свои ботинки.

— А. Да.

— Ты не заметил?

— Думаю над заявлением в полицию.

Люди в вагоне слишком сильно толпились на остановке, и ей пришлось развернуться ко мне спиной, чтобы меньше задевали проходящие.

Вагон снова сильно качнуло. Меня ощутимо прижало к металлической стенке вагона, а Рэйну я случайно повёл вслед за собой. Она прижалась слишком сильно местами, которыми явно не стоило так прижиматься.

Я мгновенно покраснел до кончиков ушей.

— Прости меня... — шепнул я ей прямо в ухо эти ужасные извинения.

Она только промолчала в ответ.

Вроде бы это было совершенно обычное, случайное движение в давке. В утреннем вагоне десятки людей постоянно касались друг друга локтями, плечами и сумками. Но я всё равно отчётливо запомнил это касание, когда мы наконец вышли на перрон.

Колледж занимал три массивных здания вокруг прямоугольного двора. У главного входа толпились студенты, кто-то активный раздавал цветные листовки клубов, двое парней пытались прикрепить длинный баннер к стойке и громко спорили, где у него верх.

Я резко остановился перед самыми воротами, почувствовав привычный ступор.

Рэйна сделала ещё два шага вперед и обернулась.

— Наш корпус там.

— Вижу.

— Пойдём?

Я кивнул, но не сделал ни шага.

Она посмотрела на мою руку, мёртво сжимавшую кожаный ремень сумки.

— Я пока расписание проверю, — спокойно сказала она и достала телефон.

Мы простояли так, наверное, целую минуту. Она действительно делала вид, что внимательно смотрит в экран, и ни о чём меня не спрашивала.

Потом я всё-таки смог переставить ногу.

У боковой стены, прямо за табличкой с обозначением места для курения, стоял мужчина в мятом, неглаженном пиджаке. Густая щетина делала его лицо значительно старше, чем оно, вероятно, было на самом деле. Он судорожно обшаривал карманы, удерживая губами незажжённую сигарету.

— Огонь есть? — спросил он хрипло, когда мы проходили мимо.

Я отрицательно покачал головой.

— Счастливый человек...

Рэйна вежливо поклонилась ему. Мужчина кивнул ей и снова принялся искать в другом кармане, из которого торчали три разноцветные ручки и скомканный чек.

— Сотрудник? — спросил я, когда мы отошли на безопасное расстояние.

— Хм, наверное.

— Надеюсь, не тот, кто отвечает за пожарную безопасность.

Она мгновенно прикрыла рот ладонью, но я всё равно успел заметить её милую, искреннюю улыбку.

В аудиторию мы пришли за восемь минут до начала. Почти все места уже были заняты. Рэйна села у самого окна, я — справа от неё, поближе к проходу.

Сзади кто-то шумно обсуждал расписание. В первом ряду гиперактивная девушка раскладывала ручки по цветам. Парень через проход снимал большие наушники так долго, словно искренне надеялся, что занятие отменят прежде, чем он закончит.

Обычные люди. Никому абсолютно нет до меня дела.

Я повторил это про себя дважды, как заклинание.

— М-можно?

Возле свободного места справа стояла симпатичная девушка с коротким светло-каштановым хвостом. На ремне её сумки болтался маленький тканевый кот с одним забавно закрытым глазом.

— Да, к-конечно.

Я торопливо убрал локоть, хотя он ей ничуть не мешал.

Она села, аккуратно положила на стол тетрадь и тут же повернулась ко мне всем корпусом.

— Татибана Нао.

— Фудзисава Рэй.

— Фудзисава — фамилия?

— Теперь да.

— Хорошо. А то я однажды целую неделю звала человека по фамилии его собаки.

Я удивлённо посмотрел на неё.

— Как?

— Он поставил её имя в профиль. Мне никто не объяснил. — Она небрежно пожала плечами. — Он тоже виноват, мог раньше перестать отзываться.

Я неожиданно для самого себя коротко усмехнулся.

Нао перевела любопытный взгляд на Рэйну.

— А ты?

— Минами Рэйна.

— Рэй и Рэйна. Удобно.

— Мы знакомы с детства, — спокойно сказала Рэйна.

— Я ещё ничего не спросила.

Нао открыто улыбнулась ей, а затем повернулась к тетради.

Я почувствовал, как Рэйна чуть отодвинула свой стул. Не от меня — ближе к столу, но ножки всё равно неприятно скрипнули по полу.

В аудиторию размашисто вошёл тот самый мужчина с сигаретой, которого мы только что встретили у стены. Сигареты уже не было, зато в руке он держал дымящийся бумажный стакан с кофе.

Он поставил его на преподавательский стол, посмотрел на наручные часы и вытащил из-под стопки листов маркер.

— Куросэ Харуки. Математика, алгоритмы, у вашей группы ещё кураторство. Если пришли не туда, сейчас последний удобный момент уйти без объяснений.

Никто не встал.

— Потом тоже можно. Только объяснения уже понадобятся.

Он размашисто написал фамилию на доске. Маркер намертво перестал писать на последнем иероглифе.

Куросэ посмотрел на него с глубокой усталостью человека, которому неоднократно обещали лучшую жизнь.

— Ну конечно...

Из кармана тут же появился второй маркер. Этот работал.

— Сегодня короткая проверочная. Оценки не ставлю. Хочу понять, что вы помните и с чем придётся разбираться. Телефоны уберите. Если не знаете, оставьте пустым. Мне полезнее пустое место, чем совместное творчество с поисковиком или нейросетью.

Он быстро раздал листы.

Увидев первое задание, я почувствовал легкое облегчение. Потом прочитал третье, и облегчение мгновенно закончилось.

Когда-то в школе такие вещи занимали у меня ровно пару минут.

Теперь формула узнавала меня, а я её — не вполне.

Я пропустил тяжелое задание, вернулся ко второму и начал раскладывать решение на отдельные логические шаги. Через несколько строк рука стала двигаться увереннее. Внешний шум аудитории постепенно отступил. Осталась только бумага, на которой хотя бы было понятно, что именно требуется.

Справа из-под локтя неожиданно появился маленький сложенный листок.

Я посмотрел на Нао. Она смотрела строго перед собой с образцовой, ангельской сосредоточенностью.

На листке было написано:

«Галстук красивый. Ты всегда такой серьёзный или сегодня демо-версия?»

Я невольно коснулся пальцами узла.

Слева сухо и громко щёлкнуло.

Рэйна хмуро смотрела на обломившийся грифель своего механического карандаша. На полях её листа осталась короткая, жирная чёрная борозда.

— Запасной есть? — шёпотом спросил я у неё.

— Есть...

Она нажала на кнопку карандаша несколько раз подряд.

Куросэ поднял голову от стола и строго посмотрел на нас.

— Передачу корреспонденции заканчиваем. Татибана, если там решение шестого задания, я заинтересован. Если нет, всё после занятия.

Нао ловко убрала листок с моего стола.

— Не решение.

— Жаль.

Несколько человек в аудитории тиховато засмеялись. У меня от смущения мгновенно загорелись уши.

Рэйна продолжала молча писать. Карандаш в её руке больше не ломался.

Когда листы собрали, Куросэ быстро пролистал несколько работ, отложил две в сторону и повернулся к доске. Он стал объяснять одну из сложных задач через пример с обычной очередью в круглосуточный магазин. Потом поменял условия, и очередь превратилась в отличную иллюстрацию того, почему самое очевидное решение далеко не всегда самое быстрое.

Я поймал себя на том, что действительно внимательно слушаю. По-настоящему слушаю, а не просто жду конца пары.

За какие-то двадцать минут он легко разобрал то, что я несколько месяцев пытался восстановить по сухим учебникам. Не целиком, но в одном месте наконец стало абсолютно понятно, почему я постоянно застревал.

Под конец Куросэ спросил, кто готов на вводную неделю стать старостой: собирать заявления и пересылать группе объявления. Рэйна подняла руку. Остальные внезапно очень заинтересовались своими столами.

— Минами, спасибо. К пятнице решите, оставляем тебя или выбираем другого добровольного страдальца.

Нао наклонилась ко мне и беззвучно произнесла: «Всё, попали».

После занятия он громко назвал мою фамилию.

Я сразу с тревогой подумал о записке Нао.

— Подойди на минутку.

Рэйна заметно задержалась возле стола.

— Я подожду в коридоре...

Нао легко подняла свою сумку.

— Не признавайся ни в чём без адвоката.

Я не нашёл, что ответить.

Куросэ дождался, пока аудитория почти опустеет, и развернул передо мной мою же работу.

— Вот здесь хорошо.

Он указал на решение пятого задания. Я посмотрел на собственный почерк.

— А здесь плохо.

Теперь его суховатый палец лежал возле третьего.

— Я знаю...

— Пока не уверен. Ты оставил пустое место. Это может означать несколько разных вещей.

Я напряженно промолчал.

Он придвинул лист ближе к источнику света.

— В пятом ты нашёл отличный короткий путь. Но тут потерял важное ограничение. На одном из значений ответ просто не работает. Видишь?

Я наклонился к бумаге. Увидел.

И зло сжал зубы, разозлившись на себя, потому что должен был это проверить.

— Да.

— Хорошо. Исправишь. Ещё дам несколько задач на то, что пропущено. Не пятьдесят. Шесть. К пятнице.

Он говорил абсолютно буднично, уже доставая другой лист из папки.

— А если я не успею?

Куросэ внимательно посмотрел на меня поверх очков.

— Скажешь до пятницы, что именно не получилось. Я не умею читать мысли. Пробовал — бесполезно.

Я взял лист.

— Это из-за... — Я на секунду запнулся. — Вам передали, что я пропускал?

— Ты сам написал об этом в анкете на собеседовании.

Я мгновенно вспомнил тётю за кухонным столом и ту самую строчку, которую она умоляла не оставлять пустой.

Куросэ с хлопком закрыл папку.

— Меня сейчас интересует только одно: что ты будешь делать с этими шестью задачами.

— Решать.

— Неплохой план. Давай иди уже.

Я дошёл до самой двери.

— Фудзисава.

Я остановился и обернулся.

— Кофе здесь, на первом этаже, не бери. Он значительно хуже, чем выглядит.

Я посмотрел на дымящийся стакан у него на столе.

— А вы?

— Я предупреждаю исключительно на основании собственного горького опыта.

Рэйна ждала меня у окна. Рядом с ней стоял высокий парень в расстёгнутой кожаной куртке. Он держал два баночных напитка и говорил что-то, наклонившись к ней чуть ближе, чем требовалось в почти пустом коридоре.

Увидев меня, она сразу выпрямилась.

— Всё нормально?

Я поднял лист с дополнительными заданиями.

— Уже нашёл себе занятие на всю неделю.

— Так быстро? — Она улыбнулась и повернулась к парню. — Это Рэй. Мы вместе учимся. Рэй, это Саэки Такуми. Мы в старшей школе дружили. Он здесь на втором курсе.

Такуми протянул мне свободную руку, ловко переложив банки в другую.

— Ну привет.

Рукопожатие оказалось чересчур крепким. Я не сразу понял, что он продолжал сильно сжимать мои пальцы даже после того, как я попытался разжать свои.

— Привет.

Он отпустил.

— Рэй, значит.

Такуми с ухмылкой посмотрел на Рэйну.

— Тот самый?

Она едва заметно напряглась всем телом.

— Мы познакомились в детстве.

— Да, я помню.

Мне категорически не понравилось, что он это помнит. Не понравилось настолько, что я сразу решил: дело во мне. Человек просто услышал знакомое имя.

— Она про тебя рассказывала, — добавил он.

— Такуми.

— Что? Я же ничего такого.

Он приторно улыбнулся и протянул ей одну из банок.

— Держи. Как раньше...

— Спасибо, но я уже пила кофе.

— На потом.

Рэйна нехотя взяла банку — просто чтобы он перестал держать её между нами.

Из аудитории наконец вышла Нао. Она быстро окинула взглядом нашу маленькую группу и встала рядом со мной.

— О, ты выжил.

— Условно.

— Хорошо. А то мне пока больше не у кого спрашивать, где столовая.

— Я тоже не знаю.

— Значит, потеряемся вместе.

Она посмотрела на мой воротник.

— У тебя узел съехал.

Я опустил взгляд. Нао уже протянула руку, но задержала пальцы у самой ткани.

— Поправить?

— Я сам...

— Как скажешь.

Она убрала руку абсолютно без обиды, а я сдуру потянул узел ещё кривее.

Рэйна ревниво посмотрела на это движение, затем на Нао.

— Столовая в другом корпусе, — сухо сказала она. — На первом этаже.

— Отлично. Пойдём все вместе?

Такуми усмехнулся.

— Я бы показал, но мне наверх. Рэйна, напишу потом.

Он бесцеремонно хлопнул меня по плечу, проходя мимо. Достаточно сильно, чтобы я ощутимо качнулся, но не настолько, чтобы это нельзя было списать на банальное дружелюбие.

— Осваивайся, студентик.

Я кивнул.

Рэйна недобрый взглядом проводила его спину.

В столовой Нао действительно заблудилась, хотя шла ровно за нами. Увидела яркий автомат с десертами, свернула не туда и потом нагло уверяла, что это был совершенно осознанный выбор маршрута.

Она весело рассказывала, как на прошлой неделе отмечала восемнадцатилетие и её младший брат подарил ей собственный старый чехол для телефона. Рэйна призналась, что свой день рождения в феврале провела дома. Я тихо сказал, что тоже.

— Замечательно, — подытожила Нао. — Один организованный праздник на троих. Будем исправлять.

Я съел половину порции риса и почти всё мясо.

Это заметила только Рэйна. По крайней мере, только она едва заметно улыбнулась, когда я отодвинул поднос.

Я впервые за долгое время по-настоящему не знал, что буду делать через час, и это внезапно не казалось исключительно плохим обстоятельством.

После обеда нас отправили оформлять пропуска в компьютерные классы. Фамилии разделили по спискам, и мы с Рэйной оказались у совершенно разных кабинетов.

— Внизу встретимся, — сказала она. — У лестницы.

— Хорошо.

Моя очередь прошла неожиданно быстро. Я получил пластиковую карточку, дважды перепроверил номер и пошёл искать туалет.

Возле боковой лестницы было непривычно тихо. На площадке стояли сложенные стулья и густо пахло свежей краской. Я уже взялся за ручку двери, когда услышал свою фамилию.

Такуми неторопливо спускался сверху. Без Рэйны он больше не улыбался.

— Есть минутка?

— Я спешу...

— Да ладно тебе. Она ещё долго там будет.

Я убрал руку с дверной ручки.

Он остановился на ступеньку выше и свысока посмотрел на карточку, которую я всё ещё держал в пальцах.

— Дай глянуть.

— Зачем?

— Интересно.

Я не протянул её.

Некоторое время мы молча смотрели друг другу в глаза. Такуми первым отвёл взгляд, но только для того, чтобы небрежно поправить рукав куртки.

— Слушай, тут первокурсники скидываются. На общие вещи. Мероприятия, помощь старших, всё такое.

— Нам не говорили.

— Теперь говорю.

— Сколько?

— Пять тысяч.

Я посмотрел на него значительно внимательнее.

Он это заметил.

— Что?

— Где это написано?

Такуми спустился ещё на одну ступеньку, оказываясь вплотную.

— Ты всегда такой душный?

Сердце внутри сразу заколотилось чаще, хотя он пока даже не повысил голос. Я чувствовал, как острый край пластиковой карточки режет подушечку большого пальца.

— Если это официальный сбор колледжа, я заплачу в кассу.

— Это не сбор колледжа.

— Тогда нет.

Сказать это оказалось значительно легче, чем остаться на месте после сказанного.

Такуми сделал шаг вперед. Я машинально отступил, больно упёрся плечом в закрытую дверь и тут же возненавидел себя за этот трусливый шаг.

— Сразу бы так, — усмехнулся он. — А то касса, бумажки.

Он окинул взглядом мой галстук.

— Ты сюда учиться пришёл или жениться?

Я молчал, сжимая зубы.

— Она из-за тебя, кстати, в школе странная была. Стоило твоё имя услышать — всё, разговор окончен. Я думал, там действительно кто-то...

Он пренебрежительно окинул меня взглядом с ног до головы.

Я почувствовал лихорадочный жар в лице.

— Не говори о ней.

Такуми слегка приподнял брови.

— Ого. Герой-любовник нашёлся.

Его тяжелая ладонь легла мне на плечо. Пальцы больно сжались через ткань пиджака.

— Вы только встретились снова, а ты уже распоряжаешься?

— Убери руку.

Он не убрал.

В голове с неожиданной, бешеной ясностью возникло несколько движений: резко ударить в лицо, толкнуть, вывернуться. Ни одно не стало настоящим. Я просто стоял и тупо смотрел на шов его куртки.

Такуми чуть сильнее прижал меня к деревянной двери.

Дерево глухо ударило мне между лопаток. Не больно — но достаточно, чтобы я чётко понял: если он действительно захочет, отступить мне будет совершенно некуда.

— Пять тысяч к пятнице, — сказал он значительно тише, наклоняясь. — И не надо делать из этого историю.

Его пальцы сжались на плече ещё раз, будто он проверял, насколько легко я поддаюсь чужому давлению.

— Я не буду тебе платить...

Голос прозвучал тише, чем я рассчитывал. Собственный ответ показался мне чужим и слишком хрупким.

Такуми наклонился ещё ближе. От него пахло горьким кофе и холодным, дешёвым табаком.

— Посмотрим.

Он не убрал руку сразу. Несколько бесконечных секунд мы стояли так, и я слышал только собственное дыхание — короткое, неровное, слишком громкое в пустой лестничной клетке.

Сверху громко хлопнула дверь. Послышались шаги и чей-то оживлённый разговор.

Такуми мгновенно отпустил меня.

Плечо осталось горячим там, где только что лежала его ладонь. Я не двинулся с места, пока шаги не приблизились к площадке.

Когда на неё вышли двое незнакомых студентов, он уже стоял вполоборота и спокойно поправлял ремень сумки.

— Если потеряешься, обращайся, — сказал он абсолютно обычным, громким голосом.

Потом ушёл наверх, вежливо уступив дорогу спускавшимся.

Я остался один у двери.

Пальцы заметно дрожали. Карточка покрылась влажными следами. Я вытер её о брюки и зачем-то проверил, не стёрлась ли фамилия.

Ничего не стёрлось.

В туалете было пусто. Я открыл ледяную воду и поставил под неё обе руки.

Они всё равно продолжали дрожать.

Я представлял, как рассказываю всё Рэйне. Как она сначала не верит, потом идет к нему. Как он смеётся и объясняет, что я просто неправильно понял безобидную шутку. Как мне приходится повторять всё ещё раз, уже при них обоих.

Другой вариант был ещё хуже: она верит сразу и начинает защищать меня.

Я выключил воду.

На телефоне горело сообщение:

«Я внизу. Ты где?»

Я написал: «Сейчас буду».

Посмотрел в зеркало, ровно поправил галстук и вышел.

Рэйна терпеливо ждала возле лестницы. Нао уже ушла, оставив ей какой-то сложенный рекламный листок.

— Всё получил?

Я показал карточку.

— Ага.

— Поехали?

— Поехали.

Она посмотрела мне в лицо чуть дольше обычного.

— Что-то случилось?

— Нет... Просто устал...

И это тоже было чистой правдой.

Во дворе дул сильный ветер. Рэйна придерживала развевающиеся волосы, а я шёл справа от неё и следил за нашими отражениями в витринных окнах, хотя сам не понимал зачем.

У самых ворот она остановилась, чтобы убрать бумаги в сумку. На её загоревшемся телефоне я случайно увидел всплывшее сообщение от Такуми. Только имя и начало фразы: «Ну что, первый день...»

Рэйна быстро погасила экран.

— Ты с ним давно дружишь? — спросил я.

— С Такуми? Со старшей школы. Он на год старше. Мы в одном комитете были.

— Понятно...

— А что?

Я неопределенно пожал плечами.

— Просто спросил.

Она застегнула сумку.

— Мы не встречались, если ты об этом.

— Я не об этом.

Ответ получился слишком быстрым и торопливым.

Рэйна опустила глаза, и мне захотелось немедленно сказать что-нибудь другое. Нормальное. Но мы уже подошли к переходу, загорелся зелёный светофор, и момент окончательно закончился.

На станции она купила воду и предложила мне. Я отказался. Потом всё-таки купил себе точно такую же, потому что во рту совсем пересохло.

В вагоне оказалось мало людей.

Мы сели рядом, как и утром, но теперь я понятия не имел, куда положить ту руку, которой Такуми пожимал мою при знакомстве.

Рэйна молча смотрела в тёмное окно.

— Я рада, что ты пришёл, — сказала она.

Я повернулся.

— Сегодня.

— Я понял.

Она кивнула и стала теревать край билета, разглаживая загнутый уголок.

— Завтра тоже вместе?

Я посмотрел на своё отражение в мутном стекле. За ним мелькали дома, провода, маленькая площадка с пустыми, одинокими качелями.

До пятницы оставалось ровно четыре дня.

Дома можно было легко сказать тёте, что я заболел. Написать Куросэ, попросить прислать задания удалённо. Рэйне — объяснять, что пока не получается. Всё это я уже отлично умел делать за эти два года.

Она ждала ответа, стараясь не смотреть на меня слишком пристально.

— Да, — сказал я. — В то же время.

Рэйна улыбнулась и аккуратно убрала мятый билет в карман.

На нашей станции Рэйна задержалась возле выхода.

— Мне ещё в храм надо, — сказала она. — Тётя сегодня дедушкину комнату разбирает. Просила зайти за учебниками, я там часть вещей оставляла. Проводишь до поворота?

Я кивнул.

До поворота мы дошли. Потом оказалось, что сумка у неё и без книг тяжёлая, и я сам предложил помочь донести.

В жилом корпусе пахло пылью и открытыми шкафами. У дальней двери стояли перевязанные стопки бумаги. Женщину, которую Рэйна назвала тётей Маюми, попросила нас подождать в прихожей: нужная коробка оказалась за сундуком.

— Четыре года не могла заставить себя всё это разобрать, — устало сказала она. — Настоятель сегодня помог вынести. Теперь хоть пройти можно.

Рэйна пошла за ней. Я остался возле низкого столика, старательно разглядывая собственные ботинки.

На столике лежала деревянная шкатулка. Крышку перекосило, и из-под неё торчал обрывок потемневшей бумаги. Вдоль щели тянулись чёрные следы — неровные, будто кто-то провёл по дереву мокрыми пальцами.

Мне показалось, что внутри что-то стукнуло.

Я наклонился. Всего лишь посмотреть, что за звук.

Одна бусина выкатилась из щели, ударилась о край столика и упала мне под ноги. Я подхватил шкатулку, пока она не съехала следом. Крышка сдвинулась, открыв тёмные деревянные чётки с лопнувшей нитью.

Чёрный след на крышке дрогнул.

Я не сразу понял, что он движется ко мне. Что-то тонкое сорвалось с дерева и полоснуло по лицу. Я отшатнулся, зажмурился — поздно. Под правое веко протиснулась холодная, скользкая нить.

— Блядь...

Я прижал ладонь к глазу. Казалось, под веком застрял волос. Но когда я потёр его, ощущение ушло глубже, туда, куда пальцем уже не добраться.

— Рэй? — Рэйна появилась в дверях с пакетом книг. — Что такое?

— Пыль... В глаз попала.

Она поставила книги и подвела меня к раковине в маленькой кухне. Я промывал глаз, пока вода не стала казаться тёплой. В зеркале не было ничего, кроме красного белка и моего перепуганного лица.

— Лучше?

— Ага...

На столике шкатулка уже стояла ровно. Я поднял с пола бусину — на ней была тонкая трещина — и сунул её в карман, собираясь отдать Маюми. Рэйна в этот момент протянула мне книги, тётя попросила придержать дверь, и о бусине я забыл.

По дороге Рэйна ещё раз спросила про глаз. Я сказал, что всё прошло. К тому времени жжение действительно почти исчезло.

Дома я достал телефон, открыл расписание и поставил будильник строго на шесть сорок. Руки к тому времени практически перестали дрожать.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.